

Д.В. Покатов

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ СОЦИОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭЛИТЫ: СОВРЕМЕННЫЕ ТRENДЫ РЕГИОНАЛЬНОГО РАЗВИТИЯ

Рассматриваются особенности становления и развития одной из относительно новых областей научного знания – социологии политической элиты. Выявляются объективные факторы и субъективные условия, способствующие процессу ее институционализации в современной России. Основное внимание обращается на анализ изучения политических элит на региональном уровне. Автор выделяет и анализирует три важнейших этапа, сопровождающих процесс возникновения и развития отечественной социологии политической элиты региона.

Ключевые слова: элита; политическая элита; региональная политическая элита; социология политической элиты; транзитологические, стратификационные, статусно-композиционные исследования.

Развитие предметной области любой науки связано с неизбежным формированием относительно новых областей и направлений. Не является здесь исключением и социология. Прошедшие с момента ее возрождения в конце 80-х гг. прошлого века годы свидетельствуют о появлении в ее границах новых научных сфер и отраслей, в том числе и социологии элиты. Ее формирование сопровождается определением особого научного дискурса, ряда важнейших методологических подходов и ориентаций, особой совокупности методов научного анализа, а также научного сообщества исследователей элит в России.

В последние годы основное внимание исследователей обращалось в первую очередь на проблемы развития социологии политической элиты применительно к изучению западных и отечественных элит федерального уровня. Это вполне оправданно, учитывая потенциал их развития и имеющуюся теоретическую и эмпирическую базу. Вместе с тем нельзя не учитывать и региональную специфику развития элитных групп, и накопленный за последние годы значительный материал, составляющий базу их перспективного изучения.

Касательно самих региональных политических элит, рассматриваемых как относительно небольшие социальные группы, объединяющие выходцев из различных социальных групп, профессионально занимающихся политической деятельностью, обладающих необходимыми ресурсами и средствами для воздействия на общество и действующих как на федеральном, так и на региональном уровне, можно говорить об объективном характере активизации научного и исследовательского интереса к ним. С одной стороны, кажется, прошли те времена, когда их влияние на социально-политические процессы в обществе было достаточно заметным. Начиная с 2000-х гг. в процессе глубинных политических изменений, инициированных представителями федеральной политической элиты, роль элитных субъектов региона существенно изменилась. В результате в обществе постепенно росло убеждение, что региональные элиты – это лишь вторичные субъекты реализации административно-хозяйственных функций и политических проектов, разработанных на федеральном уровне. Однако хотя на первый взгляд и кажется, что политические решения, принимаемые представителями федеральной политической элиты, и привели к вытеснению на пери-

ферии социально-политического процесса представителей региональных элит, как думается, это только кажущаяся видимость, имеющая более глубинную сущность.

События последнего времени говорят об обратном. Об этом, в частности, свидетельствует и избрание губернаторами ряда областей и мэрами городов представителей оппозиционных элитных кругов, или контрэлиты. Также выступление главы Чеченской Республики Р. Кадырова относительно событий в Мьянме в конце августа – начале сентября 2017 г., связанных с репрессиями против мусульманского населения одной из областей данного государства, как можно судить по имеющимся прямым и косвенным данным, приводимым российскими СМИ, показало некоторую дихотомию подходов региональной и федеральной элит. Отставки ряда глав российских регионов, которые вновь начались с конца сентября – октября 2017 г. и продолжаются сегодня, во многом свидетельствуют о том, что федеральные политики еще в преддверии президентских выборов, проходивших в марте 2018 г., не всегда могли положиться на некоторых представителей региональной политической элиты.

В более глобальном контексте можно согласиться с отечественным социологом элит А.Е. Чириковой [1. С. 48], что региональное многообразие России, уникальная культура российских регионов, в том числе политическая, позволяют говорить о том, что «весть о политической смерти региональных элит» как особого предмета научных исследований является явно преувеличенной. Данное суждение вполне соответствует тому, что усложнение структуры общества вызывает потребность в деятельности особой статусной группы, выполняющей, в том числе, функции управления и осуществляющей регулирование различных процессов, протекающих в нем. Для всего общества оказываются значимыми предпринимаемые политической элитой в целом и региональной элитой в частности действия, направленные на обеспечение социальных условий жизнедеятельности населения, поддержание и совершенствование всей социальной системы и отдельных его уровней, предотвращение в ней конфликтов. В результате от эффективности такой деятельности зависит сохранение стабильности как всей общественной системы, так и отдельных подсистем, что создает предпосылки для их дальнейшего развития.

Применительно к региональной элите следует сказать и о ее неразрывной двуединой функциональности. С одной стороны, она выступает субъектом проведения стратегических целей и проектов, инициируемых федеральным центром, приспособляя их к особенностям развития конкретных регионов. С другой стороны, как верно отмечал еще крупнейший отечественный философ начала XX в. Н.А. Бердяев, «люди центров» в разное время с трудом угадывали волю «народа из глубинки» (по причине опосредованности связи с ним) [2. С. 69]. В результате резко возросла роль и значение именно региональных политических элит, выступающих своеобразным аккумулятором настроений и установок основной массы населения региона и проводником, представляющим их федеральным властным институтам, что в реальности способствовало ослаблению напряженности между населением региона и федеральной властью.

Несомненно, сохранение роли и позиций региональной элиты связано и с утвердившимися в условиях мобилизационного типа общественного развития неразвитостью институтов гражданского общества и слабой общественной активностью. Исходя из этого, само прогнозирование дальнейшего хода преобразований, особенно на региональном уровне, было объективно связано с активизацией процесса становления социологии политической элиты и такой ее важной отрасли, как социология политической элиты региона.

Становление данной отрасли проходило в достаточно сложных условиях, связанных с процессом самого возрождения социологической науки, становлением ее современного категориального аппарата, апробированных методов изучения многих социальных явлений и процессов, ориентацией на сложившиеся западные парадигмы, неучетом и имеющегося отечественного опыта изучения многих явлений. При этом применительно к элите можно сказать и о том, что среди исследователей и тогда, и даже сейчас продолжало господствовать мнение, что социология элиты является продуктом только западного интеллектуального опыта, а это связано с не совсем критическим утверждением о создании социологии политической элиты представителями макиавеллистического направления в итало-германской социологической традиции – Г. Моска, В. Парето и Р. Михельсом. Однако обращение к истокам отечественной социологии политической элиты позволяет говорить о том, что еще в 70-е гг. XIX в. известный российский социолог А.И. Стронин (задолго до В. Парето и Г. Моски) употреблял в своих работах «Политика как наука» и «История общественности» понятия «политический» и «правлящий» классы [3].

Социологические исследования элит в целом и региональных элит в частности возобновляются в бывшем СССР, а затем и в России в конце 80-х гг. XX в. Можно выделить три этапа их становления и эволюции: I этап – зарождения и формирования категориальной и методологической базы изучения региональных элит (конец 80-х гг. XX в. – 2000 г.); II этап – диверсификация научно-исследовательского аппарата исследования, постепенное оформление исследовательских подходов и ориентаций, особых групп ис-

следования элит, в том числе транзитологических и стратификационных (2000–2010 гг.); III этап – новейших исследований региональной элитной проблематики, закрепление статусно-композиционных исследований, совмещающих теоретико-методологические основы социологического анализа политических элит с рассмотрением их базовых социальных параметров на основе использования эмпирических, конкретно-социологических методов (2010 г. – н. в.).

I период в изучении региональных элит был (конец 80-х гг. XX в. – 2000 г.) связан, как уже отмечалось выше, с определением категориальной и методологической основы изучения политических элит. На данном этапе в рамках социологических исследований появились, по сути, различные тематические направления, тяготеющие к ряду областей научного знания. Среди них выделялись социально-исторические, социально-философские, социально-психологические и чисто социологические исследования. В рамках последних исследователи уделяли внимание проблемам становления и развития как федеральной политико-административной, так и региональной политической и административно-бюрократической групп. При этом значительное внимание в появившихся в то время исследованиях уделялось самой интерпретации сущности и роли как федеральной, так и региональной политической элиты, а также происходящим в данной группе трансформационным изменениям, что было неслучайно в свете актуального вопроса о потенциальной возможности элиты проводить реформаторский курс.

Вместе с тем анализ сущности политической элиты проводился в условиях дихотомии ряда парадигмальных линий, среди которых можно выделить: относительно содержания категории «элита» – классические и современные, использующие уже апробированные ранее меритократические и позиционные парадигмы, относительно границ – структурные и функциональные и субъективные и институциональные. Следует отметить, что классическую позиционную парадигмальную линию фактически заложили представители «макиавеллистской» школы Г. Моска, В. Парето и Р. Михельс, рассматривавшие элиту в основном в политическом контексте в рамках дихотомии – организованная правящая элита, непосредственно связанная с властными институтами и использующая, как правило, реальные институциональные возможности, и неорганизованное большинство, лишенное возможностей влияния на общество. Позиционный подход, сформировавшийся во многом благодаря классикам теории элиты (прежде всего, названным выше Г. Моска, В. Парето и Р. Михельсу), отстаивал как раз идеи об элите как относительно небольшой, сплоченной социальной группе, включающей лиц, занимающихся политической деятельностью и находящихся на ведущих позициях в системе власти и управления. В отечественной классической социологии политической элиты позиционный подход получил развитие, прежде всего, в трудах К.Н. Леонтьева [4], В.С. Соловьева [5], Б.Н. Чичерина [6] и некоторых других ученых. Антиподом ему являлся меритократический, ценностный подход, представители кото-

рого обосновывали в большинстве случаев в публицистической форме идеи об элите как социальной группе, объединяющей высокоодаренных, интеллектуально развитых и нравственно ориентированных деятелей. Особенно это было характерно для таких направлений дореволюционной отечественной социологии, как субъективная социология (П.Л. Лавров [7], Н.К. Михайловский [8]), социологии народничества и анархизма (М.А. Бакунин [9], П.А. Кропоткин [10] и др.).

Отмеченные выше подходы стали весьма востребованными в условиях данного этапа ввиду отсутствия наработанных методик изучения элит. При этом особенно распространенным, в том числе по причине объективной отечественной реальности с продолжающимся господством мобилизационного типа общественного развития, характеризующегося слабостью общественных, гражданских структур, и доминированием институтов власти, стал позиционный подход, проявившийся в исследованиях Г.К. Ашина, Л.В. Бабаевой, Е.Я. Таршис, Л.А. Резниченко, О.В. Гаман-Голутвиной, А.В. Понеделкова [11]. Исследования Г.К. Ашина [12], Л.В. Бабаевой, Е.Я. Таршис, Л.А. Резниченко [13] и О.В. Гаман-Голутвиной [14] носили фундаментальный характер и по причине подробного анализа подходов, представленных в различных западных и отечественных школах элитологии, и ввиду широкого спектра как общетеоретических вопросов (в том числе анализа сущности, происхождения, структуры, функций и видов элитных групп), так и прикладных проблем (специфики дореволюционных и советских элит, особенностей процесса трансформации политической элиты, рекрутирования и элитного образования и многих других).

Придерживаясь позиционного, структурно-функционального подхода, Г.К. Ашин и О.В. Гаман-Голутвина развивали также в своих исследованиях идею об элите как особой универсальной группе, действующей в российском обществе на различных этапах ее развития. При этом О.В. Гаман-Голутвина давала характеристику таких ее форм, неразрывно связанных с государством и его институтами, как боярство, дворянство, имперская бюрократия, советская номенклатура и современная российская элита. Это вполне соответствовало развиваемому ею подходу мобилизационного развития российского общества.

Так же как и О.В. Гаман-Голутвина, из идеи недемократического, этактистского характера развития российского общества при оценке природы российской элиты исходил известный отечественный элитолог М.Н. Афанасьев, представивший, однако, альтернативное видение особенностей взаимосвязи элит и социума. Основное внимание его исследований было обращено на анализ патронажно-клиентельных связей как особого средства адаптации со стороны масс и механизма управления со стороны правящих элит, который стал складываться еще в советский период [15]. Значительный вклад с позиции позиционного подхода в изучение как федеральной, так и региональной политической элиты, особенностей формирования и мобильности различных элитных групп (с опорой на значительный эмпирический материал) внесла и известный российский элитолог О.В. Крыштановская [16].

Относительно небольшую группу представляли исследования, в которых анализ политической элиты, в основном федерального уровня, велся с меритократических, ценностных позиций. Здесь прежде всего можно отметить работы Б.М. Пугачева [17].

Наряду с рассмотрением сущности и природы политических элит, о чем уже говорилось выше, достаточно большую группу исследований составили работы, в которых затрагивался вопрос о трансформациях в элитных группах. Все многообразие позиций исследователей по данному вопросу сводилось к преимущественно негативным либо позитивным оценкам. При этом сторонники негативного концепта или полностью отрицали происходящие в элите изменения, или говорили лишь о частичной трансформации, которая совершалась под контролем старой элиты [18]. Представители второго, относительно немногочисленного «позитивного» направления в оценке трансформации отстаивали идею о том, что произошла либо частичная, либо значительная трансформация элитного слоя. Ряд данных исследователей считали, что вопрос о конвертации статуса номенклатуры выглядит некоторым упрощением в силу своей недостаточной доказательности, невозможности объяснить причины сохранения значительного слоя номенклатуры в элите до самого начала 2000-х гг., а также того, почему представители советского правящего слоя получали и получают поддержку избирателей в условиях конкуренции на выборах. В этой связи, по мнению, И.Е. Дискина, их нельзя определять как номенклатуру [19].

Накопленный в I период потенциал изучения политических элит в целом и региональных политических элит в частности позволил перейти к новому, II этапу (2000–2010 гг.), на котором произошла значительная диверсификация научно-исследовательского аппарата исследования региональной политической элиты, постепенно сформировались новые исследовательские подходы и ориентации научного анализа региональных элит.

На данном этапе продолжали активно развиваться теоретико-методологические и социально-исторические направления, в рамках которых рассматривались как понятие, характерные черты, структура политической и административной элиты, так и формы и принципы ее рекрутирования и функционирования. Одним из фундаментальных исследований этого периода была монография В.П. Мохова, в которой анализировались периоды в изучении отечественной социологии элиты, давался анализ факторов эволюции именно региональной политической элиты (с 1945 по 1991 г.), динамики ее профессионально-личностного потенциала, в том числе социального происхождения, образования, карьерных траекторий, форм рекрутирования [20. С. 61–214]. Значительный фактический материал, позволяющий судить о социальном портрете как федеральной, так и региональной элиты, формах и механизмах ее рекрутирования и отдельных аспектах функционирования, был представлен в монографии ведущего российского специалиста по социологии элит О.В. Крыштановской [21].

На II этапе развития отечественной социологии политической элиты происходит, по сути, формиро-

вание особых групп исследований, обоснованно определенных В.Я. Гельманом и И.Г. Тарусиной [22. С. 12–14] как стратификационные и транзитологические.

В рамках стратификационных исследований, как правило, рассматривались проблемы генезиса элиты как особой социальной группы, особенностей ее рекрутирования, траектории элитных карьер и т.д. Транзитологические исследования, как правило, затрагивали достаточно важную проблему трансформации политической элиты, рассматриваемую в контексте ее влияния на модернизационные процессы, происходящие в обществе.

Применительно к изучению региональной политической элиты к первому направлению, стратификационным исследованиям, дающим представление об общих признаках региональной элиты, ее характерных чертах, особенностях рекрутирования, месте в системе властных отношений можно отнести исследования А.В. Дуки [23], М.М. Плотниковой [24], О.В. Крыштановской [25], А.Е. Чириковой [26], авторского коллектива под руководством А.П. Ситникова [27], проведенного исследование в 66 регионах Российской Федерации, в ходе которого были опрошены 1 702 эксперта из числа информированных представителей административной элиты, бизнеса и общественности, и др.

Второе, транзитологическое, направление, концентрирующее внимание на изучении процессов трансформации региональных элит, структурных сдвигах в них, процессах элитного воспроизводства, проблемах внутригрупповой организации, консолидации, конфронтации, взаимодействия различных региональных элитных групп, представлено в трудах М.Н. Афанасьева [28], А. Дахина [29], Р. Туровского [30] и др.

Отдельную группу составляли статусно-композиционные исследования, совмещающие теоретико-методологические основы социологического анализа политических элит с рассмотрением их базовых социальных параметров, для чего активно использовались эмпирические методы анализа элитных групп. Применительно к региональной проблематике они были представлены несколькими направлениями. В исследованиях А.К. Магомедова [31] и А.В. Понеделкова [32] затрагивалась проблема ценностных и политических ориентаций региональной элиты. В рамках данного этапа развития социологии политической элиты значительно активизировался процесс научного анализа взаимодействия различных групп элиты применительно к региональному уровню, в том числе политической и бизнес-элиты [33]. Но, к сожалению, практически не получил развития вопрос о внутриэлитных взаимодействиях, что будет характерно для следующего этапа.

Ряд авторов представили в своих работах достаточно интересный кросс-культурный анализ региональных моделей взаимодействия политических и бизнес-элит. В частности, Н.Ю. Лапина, анализируя процессы взаимодействия между различными типами элитных групп, дала характеристику таких моделей, как «патронаж», «партнерство», «приватизация власти», «война всех против всех» [34].

Из сравнительно новых исследований данного периода стоит отметить монографию П.С. Шараева, в которой представлен анализ элиты, функционирующей в одной из ветвей власти – законодательной (на примере трех субъектов России – Кемеровской, Новосибирской и Томской) [35]. В дальнейшем данную линию в изучении элит продолжили самарские социологи, историки и политологи, выпустившие коллективную монографию, посвященную комплексному рассмотрению процесса эволюции самарской (куйбышевской) элиты в 1960–1990-е гг. В ней на основе богатейшего эмпирического и фактологического материала показаны особенности процесса эволюции региональных элит в Самарской (Куйбышевской) области в 1960–1990-е гг. Большое внимание уделяется изучению роли партийно-административной, хозяйственно-экономической, военной, духовной элит в процессе развития Самарской (Куйбышевской) области в 1960–1990-е гг. [36].

II период развития социологии региональной политической элиты также ознаменовался активным изучением как базовых характеристик элит отдельных регионов, так и особенностей их функционирования применительно к отдельным регионам. Достаточно основательное исследование особенностей политического развития, региональных стратегий, роли в этих процессах политической элиты ряда областей (в том числе Астраханской, Иркутской, Мурманской и Оренбургской), а также электоральных оценок деятельности правящих там элит и специфики взаимодействия общества, власти и бизнеса провел авторский коллектив (под руководством Н. Петрова и А. Титкова), отразивший свое видение проблемы в монографии «Власть, бизнес, общество в регионе: неправый треугольник» [37].

Результаты проведенного в 2009 г. опроса экспертов и представителей административно-политической элиты ряда регионов Южного федерального округа по вопросам, касающимся как базовых личностно-профессиональных характеристик региональных элитных групп, так и направлений их деятельности, легли в основу работы В.В. Рудого, А.В. Понеделкова, А.М. Старостина и В.Д. Лысенко [38].

Существенно дополнило представления о мировоззрении элит исследование, проведенное группой авторов под руководством М. Тарусина, представлявших Институт общественного проектирования. Оно охватило целый спектр российских регионов (30), включая Москву и Санкт-Петербург. Результаты его были представлены в работе «Сумма идеологии: мировоззрение и идеология современной российской элиты». Отказываясь от позиционного подхода в рассмотрении элит, авторы исследования склоняются к плюралистическому видению данной группы, идущему от трудов В. Парето, усматривая в элите не только правящую верхушку, но определенную совокупность лиц, представляющих наиболее авторитетные круги в различных сферах деятельности, в том числе политике, бизнесе, армии, искусстве, науке. Применяя, по существу, функционально-ценностный подход и методику глубинного интервью, они сосредотачиваются на анализе достаточно мало представленного в отечественной социологической

науке аспекта – мировоззрению элит. Спектр задаваемых представителям различных элитных групп вопросов был достаточно широк – от проблем социально-философского плана, включающих проблемы свободы, демократии, социальной справедливости, до чисто политических. Результаты исследования позволили сделать авторам вывод о высокой степени деидеологизации российских элит, что напрямую проявилось и в том, что свои политические позиции и взгляды представители элитных групп достаточно умело излагали в контексте социально-философских размышлений [39].

III период новейших исследований региональной элитной проблематики, по сути, начинается с 2010 г., когда последовавшие отставки губернаторов-«тяжеловесов» в ряде регионов несколько изменяют не только политическую конфигурацию, но и направление исследований ряда важных проблем, связанных с региональными политическими элитами.

По сути, в рамках данного периода происходит закрепление статусно-композиционных исследований, объединяющих теоретико-методологические и эмпирические методики. Теория политической элиты все более приближается к уровню специальных социологических теорий, о которых говорил известный американский социолог Р. Мертон.

При этом меняется внешняя форма, кроме того, в рамках современных подходов, детерминированных переходом к эпохе постмодерна, ряд социологов ставит вопрос об изучении элит не только и даже не столько в рамках уже устоявшихся дихотомических концептов – позиционного и меритократического, структурного единства или разнородности элитных групп. Теперь своеобразный водораздел проходит не столько по линии используемых элитой властных, экономических, военных ресурсов, сколько по линии концентрации реальных и виртуальных средств, характерных для сетевого общества. Примечательна здесь позиция испанского социолога М. Кастельса. В своем труде «Власть коммуникации» он утверждает, что демократическое осуществление власти, в конечном счете, зависит от институциональной способности преобразовывать смысл, порожденный коммуникативным действием, в функциональную координацию действий, организованных в государстве в соответствии с принципами конституционного консенсуса. В процессе своего развития общества как национальные общества, по мысли М. Кастельса, становятся сегментированными и постоянно видоизменяются под воздействием динамических сетей в их исторически унаследованных социальных структурах. По мере того как происходят сегментирование общества и определенная дезинтеграция масс, возрастает консолидация элит [40. С. 29].

Данный подход характерен для целого ряда исследований и по региональной политической проблематике, в том числе И. Гордеева, рассматривавшего векторы трансформации власти и политик в эпоху глобализации и постмодерна, а также целого ряда работ Ю.В. Ирхина, анализировавшего базовые трансформации общества постмодерна и выявившего обусловленные ими изменения роли властных институтов и связанных с ними элитных групп.

III период в изучении региональных политических элит ознаменовался также переходом от анализа межэлитных к рассмотрению специфики, механизмов и факторов внутриэлитных процессов. При этом в диапазон научного анализа включались как объективные, так и субъективные условия, влияющие на процессы внутриэлитной мобильности и определяющие облик элитных групп. Так, А.В. Шентякова, анализируя карьерный путь представителей различных сегментов элиты, отмечала, что для сотрудников исполнительной власти ключевым фактором влияния на построение карьеры является административный ресурс. При этом в данной группе исследователь выделяет «автономных профессионалов», строящих карьеру за счет своего опыта, профессиональных знаний и умений, и «патронажников», карьера которых зависит от внешней благоприятной карьерной среды. Для сегмента законодательной региональной элиты важными становятся социально-профессиональный статус и индивидуальный профессионализм [41. С. 398]. Данные траектории оказывают влияние не только на направленность действий данных типов элитных деятелей, но и зачастую определяют специфику их взаимодействия внутри элитных групп.

Исследование А.С. Быстровой, А.В. Дуки, А.Б. Даугавета и Д.Б. Тэва, проведенное в рамках позиционного подхода, на основе анализа 936 биографических анкет представителей политической элиты 10 регионов свидетельствовало об относительной гомогенности входящих в элиту групп, что, по их мнению, объяснялось рядом факторов. К их числу авторы справедливо относили закрытость бассейна рекрутирования, низкую вертикальную мобильность, близкие возможности получения образования и достаточно близкие социализационные механизмы, устойчивые тренды плутократизации современных элит, а также постепенное формирование общей социальной базы, во многом препятствующей приходу в элиту представителей из низов социальной структуры [42. С. 150–161, 164–165].

В целом новейший период в изучении элитных групп сопровождался использованием различных как количественных, так и качественных методов исследования. Так, в труде А.Е. Чириковой и В.Г. Ледяева, посвященном изучению элиты малых российских городов, активно использовались результаты 76 интервью с представителями правящей элиты ряда регионов. На основе проведенного в пяти малых российских городах в 2011–2015 гг. исследования авторы определили не только конфигурацию и иерархию акторов в городских сообществах, но и особенности взаимоотношений, складывающихся между важнейшими сегментами городских элитных кругов, их роль и значение в проводимой политике [43. С. 51–69]. Во многом это стало продолжением проведенных еще в 90-е гг. прошлого века исследований с применением качественной методологии анализа элитных групп ряда российских регионов авторской группой под руководством Л.М. Дробижевой [44], отраженных в исследовании «Говорит элита республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробижевой», а также изучения базовых параметров федеральной элиты коллективами исследователей под руковод-

ством члена-корреспондента РАН К.И. Микульского [45], представивших исследовательские результаты в работе «Российская элита: Опыт социологического анализа. Концепция и методы исследования», и доктора политических наук, профессора А.В. Понеделкова. В целом, к сожалению, данные исследования пока не стали практикой изучения элитных групп, что имеет и свои объективные причины. Прежде всего к этому следует отнести сохраняющуюся закрытость элитных групп. Для количественных исследований сдерживающим фактором по сей день остается неточность в верификации границ элиты, которую можно объяснить не только несовершенством статистики, но и разностью используемых подходов и критериев в определении представителей, входящих в состав политической элиты как регионального, так и федерального уровней. Для качественных исследований наряду с закрытостью сдерживающими механизмами являются нежелание представителей элиты, имеющих

ограниченные ресурсы времени, идти на контакт с экспертами, отсутствие у последних необходимых неформальных ресурсов, которые могли бы способствовать контактам с представителями элиты.

В целом, несмотря на имеющиеся трудности в изучении элитных групп, можно говорить о том, что процесс институционализации социологии политической элиты имеет свои несомненные достоинства. Хотя данная отрасль еще далека от окончательной стадии завершения формирования не только своего предметного поля, но и важнейших методологических подходов, однако имеющийся потенциал все отчетливее позволяет говорить об уходе от методологического разногласия, характерного для I периода развития отечественной социологии политической элиты, и ставить вопрос о выработке особой интегрально-методологической парадигмы, позволяющей более целостно и системно проанализировать такой сложный социальный феномен, как политическая элита.

ЛИТЕРАТУРА

1. Чирикова А.Е. Региональные элиты России. М. : Аспект Пресс, 2010. 271 с.
2. Бердяев Н.А. Судьба России. М. : Мысль, 1990. 206 с.
3. Стронин А.И. Политика как наука. СПб. : Типография Ф.С. Сущинского, 1872. 530 с.
4. Леонтьев К.Н. Достоевский о русском дворянстве // Восток, Россия и Славянство. Философская и политическая публицистика. М. : Республика, 1996. 800 с.
5. Соловьев В.С. Духовные основы жизни // Собрание сочинений. СПб. : Изд. Товарищества «Общественная польза», 1903. Т. 3. 586 с.
6. Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. III: Политика. М. : Типография т-ва И.Н. Кушнер и К, 1898.
7. Лавров П.Л. Философия и социология. М. : Мысль, 1965. Т. 2. 703 с.
8. Михайловский Н.К. Сочинения. 4-е изд. СПб. : Обществ. Польза, 1907. Т. 2. 886 с.; Т. 6. 1046 с.
9. Бакунин М.А. Федерализм, социализм и антитеологизм // Философия. Социология. Политика. М. : Правда, 1989. 624 с.
10. Кропоткин П.А. Хлеб и воля. Современная наука и анархия. М. : Правда, 1990. 638 с.
11. Понеделков А.В. Политическая элита: генезис и проблемы ее становления в России. Ростов н/Д. : Северо-Кавказский кадровый центр ВШ, 1995. 267 с.
12. Ашин Г.К. Современные теории элиты: Критический очерк. М. : Международные отношения, 1985. 256 с.
13. Бабаева Л.В., Таршис Е.Я., Резниченко Л.А. Методологические проблемы изучения российской элиты // Общество и экономика. 1994. № 11–12. С. 62–76.
14. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты: эволюция теоретических концепций. М. : РАГС, 1996. 36 с.
15. Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность. 2-е изд. М. : МОНФ, 2000. 318 с.
16. Крыштановская О.В. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 4. С. 51–65.
17. Пугачев Б.М. Развитие советских и постсоветских элит // Россия и современный мир. 1995. № 3. С. 102–118.
18. Барзилов С.И., Чернышев А.Г. Провинция: элита, номенклатура, интеллигенция // Свободная мысль. 1996. № 1. С. 44–56.
19. Дискин И.Е. Россия: трансформации и элиты. М. : Эльтра, 1995. 158 с.
20. Мохов В.П. Региональная политическая элита России (1945–1991). Пермь : Перм. кн. изд-во, 2003. 238 с.
21. Крыштановская О.В. Анатомия российской элиты. М. : Захаров-М, 2005. 384 с.
22. Гельман В.Я., Тарусина И.Г. Изучение политических элит в России: проблемы и альтернативы // Элитизм в России: «за» и «против»: сб. материалов интернет-конференции / под общ. ред. В.П. Мохова. Пермь : ПГТУ, 2002. С. 12.
23. Дука А.В. Властные элиты: Социологический анализ // Элитизм в России: «за» и «против»: сб. материалов интернет-конференции / под общ. ред. В.П. Мохова. Пермь : ПГУ, 2002.
24. Законодательное собрание Иркутской области IV созыва в лицах: от назначения губернатора до проекта агломерации / под ред. М.М. Плотниковой. Иркутск : Иркут. гос. ун-т, 2007. 194 с.
25. Крыштановская О.В. Формирование региональной элиты: Принципы и механизмы // Социологические исследования. 2003. № 11. С. 6–15.
26. Чирикова А.Е. Региональные элиты России. М. : Аспект Пресс, 2010. 271 с.
27. Самые влиятельные люди России-2003. М. : ИСАНТ, 2004. 696 с.
28. Афанасьев М.Н. Региональный вызов: Правящие региональные группировки в российском политическом процессе // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе. М. : МОНФ, 1999.
29. Дахин А. Транзит российской власти на рубеже 2008 г.: Особенности политического управления // Политическая наука. 2009. № 2.
30. Туровский Р.Т. Центр и регионы. Проблемы политических отношений. М. : ГУ ВШЭ, 2007. 400 с.
31. Магомедов А.К. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России. М. : Моск. обществ. науч. фонд, 2000. 224 с.
32. Понеделков А.В. Политическая наука в элитологическом измерении. Ростов н/Д. : Изд-во СКАГС, 2010. 512 с.
33. Элитизм в России: «за» и «против». Пермь : Перм. гос. техн. ун-т, 2002. 257 с.
34. Перегудов С., Лапина Н., Семененко И. Группы интересов и российское государство. М. : Эдиториал УРСС, 1999. С. 195–210.
35. Шараев П.С. Законодательные органы государственной власти в субъектах РФ в 90-е годы XX века (на материалах Кемеровской, Новосибирской и Томской областей). Томск : Том. гос. ун-т, 2007. 197 с.
36. Элиты Самарской (Куйбышевской) области в 1960–1990-е гг. Очерки истории / под ред. П.С. Кабытова. Самара, 2014. 240 с.
37. Власть, бизнес, общество в регионах: неправильный треугольник / под ред. Н. Петрова, А. Титкова. М., 2010.
38. Рудой В.В., Понеделков А.В., Старостин А.М., Лысенко В.Д. Региональные административно-политические элиты России: двадцать лет постсоветской эволюции (социологический анализ). Ростов н/Д, 2012. 48 с.

39. Тарусин М. и др. Сумма идеологии: мировоззрение и идеология современной российской элиты. М. : Ин-т обществ. проектирования, 2008. 296 с.
40. Кастельс М. Власть коммуникации. М. : ГУ ВШЭ, 2016. 564 с.
41. Шентякова А.В. Модели и факторы карьеры представителей политической и административной региональной элиты // Власть и элиты / гл. ред. А.В. Дука. СПб. : Интерсоцис, 2014. Т. 1.
42. Быстрова А.С., Дука А.В., Даугавет А.Б., Тэв Д.Б. Региональные властные группы: основные социально-структурные характеристики и роль в развитии современного общества // Власть и элиты / гл. ред. А.В. Дука. СПб. : Интер социс, 2017. Т. 4. С. 147–169.
43. Чирикова А.Е., Ледяев В.Г. Власть в малом российском городе. М. : Изд. дом Высшей школы экономики, 2017. 414 с.
44. Дробижина Л.М. Говорит элита республик Российской Федерации. 110 интервью Леокадии Дробижиневой. М. : Изд-во Ин-та этнологии и антропологии имени Н.Н. Миклухо-Маклая, 1996. 301 с.
45. Микульский К.И., Бабаева Л.В., Таршис Е.Я., Резниченко Л.А., Чирикова А.Е. Российская элита: Опыт социологического анализа. Концепция и методы исследования. М. : Наука, 1995. Ч. 1.

Статья представлена научной редакцией «Социология и политология» 10 января 2020 г.

The Russian Sociology of the Political Elite: Current Trends in Regional Development

Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta – Tomsk State University Journal, 2020, 453, 116–123.

DOI: 10.17223/15617793/453/14

Dmitry V. Pokatov, Saratov State University (Saratov, Russian Federation). E-mail: dvpokatov@gmail.com

Keywords: elite; political elite; regional political elite; sociology of political elite; transitological; stratification; status and composition studies.

The article is devoted to the peculiarities of the formation and development of one of the relatively new areas of scientific knowledge—the sociology of the political elite. The author identifies objective factors and subjective conditions that contribute to its institutionalization in modern Russia when the pre-paradigmatic stage of its formation is practically completed, a special scientific discourse, a number of important methodological approaches and orientations, a special set of methods of scientific analysis, and the scientific community of elite researchers in Russia are developing. The author mainly focuses on the analysis of studies of political elites at the regional level using both general (including analysis and synthesis, induction and deduction) and specific (comparative historical, genetic and structural functional approaches) scientific methods. The author identifies and analyzes three most important stages that accompany the emergence and development of the Russian sociology of the political elite of the region. Stage I is associated with the emergence and formation of a categorial and methodological basis for studying the political elite in general and the regional political elite in particular. At Stage II, the research apparatus is reoriented, research approaches are gradually developed, special directions in the study of elites, including transitological (affecting the rather important problem of political elite transformation considered in the context of its influence on modernization processes occurring in society) and stratification (analyzing the problems of the genesis of the elite as a special social group, features of its recruitment, the trajectory of elite careers, etc.) ones. Stage III is the latest research of regional elite issues, which consolidates the status and composition studies, combining the theoretical and methodological foundations of a sociological analysis of political elites with the consideration of their basic social parameters and the use of specific empirical methods. Along with the definition and characterization of the development stages of the sociology of the political elite in relation to the regional level, the author analyzes the achievements accumulated in recent years by this branch of scientific knowledge, identifies problems that arise in the way of institutionalization of the sociology of the political elite and determines their causes, sets prospects for this branch and opportunities available for its effective and fruitful development.

REFERENCES

1. Chirikova, A.E. (2010) *Regional'nye elity Rossii* [Regional Elites of Russia]. Moscow: Aspekt Press.
2. Berdyayev, N.A. (1990) *Sud'ba Rossii* [The Fate of Russia]. Moscow: Mysl'.
3. Stronin, A.I. (1872) *Politika kak nauka* [Politics as a Science]. St. Petersburg: Tipografiya F.S. Sushchinskogo.
4. Leont'ev, K.N. (1996) *Vostok, Rossiya i Slavyanstvo. Filosofskaya i politicheskaya publitsistika* [East, Russia and Slavism. Philosophical and Political Journalism]. Moscow: Respublika.
5. Solov'ev, V.S. (1903) *Sobranie sochineniy* [Collected Works]. Vol. 3. St. Petersburg: Izd. Tovarishchestva "Obshchestvennaya pol'za".
6. Chicherin, B.N. (1898) *Kurs gosudarstvennoy nauki* [A Course on State Science]. Pt. III. Moscow: Tipografiya t-va I.N. Kushner i K.
7. Lavrov, P.L. (1965) *Filosofiya i sotsiologiya* [Philosophy and Sociology]. Vol. 2. Moscow: Mysl'.
8. Mikhaylovskiy, N.K. (1907) *Sochineniya* [Works]. 4th ed. Vols 2, 6. St. Petersburg: Obshchestv. Pol'za.
9. Bakunin, M.A. (1989) *Filosofiya. Sotsiologiya. Politika* [Philosophy. Sociology. Politics]. Moscow: Pravda.
10. Kropotkin, P.A. (1990) *Khleb i volya. Sovremennaya nauka i anarkhiya* [Bread and Will. Modern Science and Anarchy]. Moscow: Pravda.
11. Ponedelkov, A.V. (1995) *Politicheskaya elita: genezis i problemy ee stanovleniya v Rossii* [Political Elite: Genesis and Problems of Its Formation in Russia]. Rostov-on-Don: Severo-Kavkazskiy kadrovyy tsentr VSh.
12. Ashin, G.K. (1985) *Sovremennye teorii elity: Kriticheskiy ocherk* [Modern Theory of the Elite: A Critical Essay]. Moscow: Mezhdunarodnye otnosheniya.
13. Babaeva, L.V., Tarshis, E.Ya. & Reznichenko, L.A. (1994) Metodologicheskie problemy izucheniya rossiyskoy elity [Methodological Problems of Studying the Russian Elite]. *Obshchestvo i ekonomika*. 11–12. pp. 62–76.
14. Gaman-Golutvina, O.V. (1996) *Politicheskie elity: evolyutsiya teoreticheskikh kontseptsiy* [Political Elites: The Evolution of Theoretical Concepts]. Moscow: RAGS.
15. Afanas'ev, M.N. (2000) *Klientelizm i rossiyskaya gosudarstvennost'* [Clientelism and Russian Statehood]. 2nd ed. Moscow: MONF.
16. Kryshantovskaya, O.V. (1995) Transformatsiya staroy nomenklatury v novuyu rossiyskuyu elitu [Transformation of the Old Nomenclature Into the New Russian Elite]. *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*. 4. pp. 51–65.
17. Pugachev, B.M. (1995) Razvitie sovetkikh i postsovetskikh elit [The Development of Soviet and Post-Soviet Elites]. *Rossiya i sovremennyy mir*. 3. pp. 102–118.
18. Barzilov, S.I. & Chernyshev, A.G. (1996) Provintsiya: elita, nomenklatura, intelligentsiya [Province: Elite, Nomenclature, Intelligentsia]. *Svobodnaya mysl'*. 1. pp. 44–56.
19. Diskin, I.E. (1995) *Rossiya: transformatsii i elity* [Russia: Transformations and Elites]. Moscow: Eltra.
20. Mokhov, V.P. (2003) *Regional'naya politicheskaya elita Rossii (1945–1991)* [The Regional Political Elite of Russia (1945–1991)]. Perm: Perm. kn. izd-vo.
21. Kryshantovskaya, O.V. (2005) *Anatomiya rossiyskoy elity* [Anatomy of the Russian Elite]. Moscow: Zakharov-M.

22. Gel'man, V.Ya. & Tarusina, I.G. (2002) [The Study of Political Elites in Russia: Problems and Alternatives]. *Elitizm v Rossii: "za" i "protiv"* [Elitism in Russia: "For" and "Against"]. Conference Proceedings. Perm: Perm State Technical University. p. 12. (In Russian).
23. Duka, A.V. (2002) [Power Elites: A Sociological Analysis]. *Elitizm v Rossii: "za" i "protiv"* [Elitism in Russia: "For" and "Against"]. Conference Proceedings. Perm: Perm State Technical University. (In Russian).
24. Plotnikova, M.M. (ed.) (2007) *Zakonodatel'noe sobranie Irkutskoy oblasti IV sozyva v litsakh: ot naznacheniya gubernatora do proekta aglomeratsii* [The Legislative Assembly of Irkutsk Oblast of the Fourth Convocation in Persons: From the Appointment of the Governor to the Agglomeration Project]. Irkutsk: Irkutsk State University.
25. Kryshchanovskaya, O.V. (2003) Regional Elite Formation: Principles and Mechanisms. *Sotsiologicheskie issledovaniya – Sociological Studies*. 11. pp. 6–15. (In Russian).
26. Chirikova, A.E. (2010) *Regional'nye elity Rossii* [Regional Elites of Russia]. Moscow: Aspekt press.
27. Gaman-Golutvina, O.V. (ed.) (2004) *Samye vliyatel'nye lyudi Rossii-2003* [The Most Influential People of Russia'2003]. Moscow: ISANT.
28. Afanas'ev, M.N. (1999) Regional'nyy vyzov: Pravyashchie regional'nye gruppirovki v rossiyskom politicheskom protsesse [Regional Challenge: Ruling Regional Groups in the Russian Political Process]. In: Mel'vil', A.Yu. (ed.) *Transformatsiya rossiyskikh regional'nykh elit v sravnitel'noy perspektive* [Transformation of Russian Regional Elites in a Comparative Perspective]. Moscow: MONF.
29. Dakhin, A. (2009) Transit of the State Power by the End of 2008: Features of Political Government (Methodology of Analysis). *Politicheskaya nauka – Political Science*. 2. (In Russian).
30. Turovskiy, R.T. (2007) *Tsentr i regiony. Problemy politicheskikh otnosheniy* [Center and Regions. Problems of Political Relations]. Moscow: HSE.
31. Magomedov, A.K. (2000) *Misteriya regionalizma. Regional'nye pravyyashchie elity i regional'nye ideologii v sovremennoy Rossii* [The Mystery of Regionalism. Regional Ruling Elites and Regional Ideologies in Modern Russia]. Moscow: Mosk. obshchestv. nauch. fond.
32. Ponedelkov, A.V. (2010) *Politicheskaya nauka v elitologicheskoy izmerenii* [Political Science in the Elitological Dimension]. Rostov-on-Don: Izd-vo SKAGS.
33. Mokhov, V.P. (ed.) (2002) *Elitizm v Rossii: "za" i "protiv"* [Elitism in Russia: "For" and "Against"]. Conference Proceedings. Perm: Perm State Technical University.
34. Peregudov, S., Lapina, N. & Semenenko, I. (1999) *Gruppy interesov i rossiyskoe gosudarstvo* [Interest Groups and the Russian State]. Moscow: Editorial URSS. pp. 195–210.
35. Sharaev, P.S. (2007) *Zakonodatel'nye organy gosudarstvennoy vlasti v sub'ektakh RF v 90-e gody XX veka (na materialakh Kemerovskoy, Novosibirskoy i Tomskoy oblastey)* [The Legislative Bodies of State Power in the Constituent Entities of the Russian Federation in the 1990s (Based on Materials From Kemerovo, Novosibirsk and Tomsk Oblasts)]. Tomsk: Tomsk State University.
36. Kabytov, P.S. (ed.) (2014) *Elity Samarskoy (Kuybyshevskoy) oblasti v 1960–1990-e gg. Ocherki istorii* [Elites of Samara (Kuibyshev) Oblast in the 1960s–1990s. Essays on History]. Samara: Samara State University.
37. Petrov, N. & Titkov, A. (eds) (2010) *Vlast', biznes, obshchestvo v regionakh: nepravil'nyy treugol'nik* [Power, Business, Society in the Regions: An Irregular Triangle]. Moscow: Rossiyskaya politicheskaya entsiklopediya.
38. Rudoy, V.V., Ponedelkov, A.V., Starostin, A.M. & Lysenko, V.D. (2012) *Regional'nye administrativno-politicheskie elity Rossii: dvadtsat' let postssovetskoy evolyutsii (sotsiologicheskyy analiz)* [Regional Administrative and Political Elites of Russia: Twenty Years of Post-Soviet Evolution (A Sociological Analysis)]. Rostov-on-Don: SKAGS.
39. Tarusin, M. et al. (2008) *Summa ideologii: mirovozzrenie i ideologiya sovremennoy rossiyskoy elity* [The Sum of Ideology: Worldview and Ideology of the Modern Russian Elite]. Moscow: In-t obshchestv. proektirovaniya.
40. Castells, M. (2016) *Vlast' kommunikatsiy* [Communication Power]. Translated from English by N.M. Tylevich. Moscow: HSE.
41. Shentyakova, A.V. (2014) *Modeli i faktory kar'ery predstaviteley politicheskoy i administrativnoy regional'noy elity* [Models and Career Factors of Representatives of the Political and Administrative Regional Elite]. In: Duka, A.V. (ed.) *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Vol. 1. St. Petersburg: Intersotsis.
42. Bystrova, A.S., Duka, A.V., Daugavet, A.B. & Tev, D.B. (2017) *Regional'nye vlastnye gruppy: osnovnye sotsial'no-strukturnye kharakteristiki i rol' v razvitiy sovremennoy obshchestva* [Regional Power Groups: The Main Socio-Structural Characteristics and the Role in the Development of Modern Society]. In: Duka, A.V. (ed.) *Vlast' i elity* [Power and Elites]. Vol. 4. St. Petersburg: Intersotsis. pp. 147–169.
43. Chirikova, A.E. & Ledyayev, V.G. (2017) *Vlast' v malom rossiyskom gorode* [Power in a Small Russian City]. Moscow: HSE.
44. Drobizheva, L.M. (1996) *Govorit elita respublik Rossiyskoy Federatsii. 110 interv'y u Leokadii Drobizhevoy* [The Elite of the Republics of the Russian Federation Speaking. 110 Interviews of Leocadia Drobizheva]. Moscow: N.N. Miklukho-Maklai Institute of Ethnology and Anthropology.
45. Mikul'skiy, K.I. et al. (1995) *Rossiyskaya elita: Opyt sotsiologicheskogo analiza. Kontseptsiya i metody issledovaniya* [Russian Elite: The Experience of Sociological Analysis. Concept and Research Methods]. Pt. 1. Moscow: Nauka.

Received: 10 January 2020